

Отзыв о диссертации В.В. Панасюка

«Столыпинская аграрная реформа и российская провинция: по материалам Калужской губернии (1906-1917 гг.)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертационная работа В.В. Панасюка посвящена очень важному и, к сожалению, пока еще явно недостаточно изученному аспекту отечественной истории предреволюционной поры – региональному аспекту аграрных реформ, традиционно именуемых столыпинскими. Как известно, на протяжении многих десятилетий в историографии не утихают споры о происхождении, смысле и результатах этих реформ, которые в значительной степени продолжают острые политические дискуссии вокруг них, бушевавшие в среде их современников и очевидцев. И если для анализа генезиса преобразований необходимо обращение к документам высших и центральных правительственных учреждений (что в значительной степени уже проделано российскими и зарубежными учеными), то в том, что касается эволюции и результатов реформ, первостепенное значение имеет региональный срез и, соответственно, документы, относящиеся к реализации реформ на всем ее протяжении – с 1906 г. и до весны-лета 1917 г., когда реформы были свернуты Временным правительством. В этом смысле научная актуальность диссертационной работы не вызывает сомнений.

В.В. Панасюк избрал для анализа одну из в чем-то уникальных, а в чем-то типичных губерний империи – Калужскую. Будучи губернией сельскохозяйственной, с высокой для Нечерноземья долей занятых в аграрном секторе экономики, она одновременно благодаря близости к Москве характеризовалась также очень развитым крестьянским отходничеством. Это сочетание обусловило набор характеристик, грамотный анализ которых позволил автору вскрыть немало закономерностей

реализации аграрных реформ. Выбор объекта и масштаба исследования представляется поэтому закономерным и целиком оправданным.

Логично выглядит также постановочная часть исследования. Автору удалось привлечь для анализа широкий круг источников разного типа, прежде всего неопубликованных, хранящихся в региональном и центральном (ГАРФ) архивах. Кроме того, им широко привлечены для анализа опубликованные материалы статистических и хозяйственных обследований калужской деревни, региональная пресса, материалы земских собраний, публицистики, доступные мемуарные источники по теме. В целом источниковая база исследования представляется достаточно репрезентативной для решения поставленных диссертантом задач.

Достаточно полно освещена и историография рассматриваемых проблем. Правда, автор склонен сводить ее к полемике между «оптимистами» и «пессимистами» (первые считают, что столыпинская реформа была успешной, особенно учитывая ограниченные сроки, которые отвела история для ее реализации, вторые – что она скорее провалилась). Думается, что эволюция историографии реформы все же не сводится к вопросу об «успехе» реформы, который получил непропорционально большое значение в постсоветской литературе. Сам автор, декларируя свою принадлежность к направлению «оптимистов», далек от апологии реформы и, в сущности, занят совершенно иными вопросами: о том, почему и как на каждом из этапов реформы одни ее задачи и аспекты выходили на первый план, другие – уходили в тень, как в ходе реализации реформы взаимодействовали центральные и местные власти, общественное самоуправление и сами крестьяне, и т.п. «Успех» или «провал» – категории не просто субъективные, но детерминированные идеологическими установками оценивающего, и, надо отдать должное В.В. Панасюку – не характерные для его собственной работы.

Структура основной части работы подчинена тематическому принципу. В первой главе автор дает общий очерк особенностей развития

аграрного сектора экономики в Калужской губернии на протяжении десятилетий, предшествовавших реформе. Кроме того, здесь же анализируются становление в губернии земской агрономии. Оба очерка написаны весьма удачно и на высоком аналитическом уровне, и воссоздают достаточно объемный социально-экономический контекст для последующего анализа.

Вторая глава посвящена собственно аграрной реформе, причем автор рассматривает все четыре ключевых ее аспекта – укрепление наделной земли в собственность отдельных домохозяев, землеустройство, ипотечное финансирование через Крестьянский банк, переселения. Эта глава является в работе центральной, она в наибольшей степени насыщена конкретно-историческим материалом и интересными наблюдениями и выводами.

Отчасти вопреки собственной установке на позитивную оценку реформы, в соответствии с которой административно-принудительное начало в ней не доминировало, автор показывает, что на начальном своем этапе реформа явно буксовала, и озабоченное правительство прямо подталкивало местные власти к ее эскалации путем наращивания цифровых показателей, относящихся к количеству выделившихся из общины хозяйств. Думается, этот сюжет стоило бы рассмотреть подробнее. Отчасти давление из центра, вероятно, объяснялось желанием мобилизовать местных чиновников, продемонстрировать, что новый курс в деревне – это всерьез и надолго. Но само это давление, как хорошо показывает Панасюк, направляло реформу в заведомо тупиковое русло – погони за цифрами формально выделившихся крестьян, при том, что реальный выдел из общины без группового землеустройства в большинстве случаев был невозможен. Автор демонстрирует, что во многом установки, характерные для первого этапа реформы, противоречили более поздним, так что формальный выдел или переход сельских обществ к участковому землепользованию лишь затруднял последующее землеустройство.

Перелом в стратегии реализации реформы с новым акцентом на групповое землеустройство и более активную агрономическую помощь произошел лишь в 1909-1911 гг. Таким образом, если мы встанем на точку зрения реформаторов, несколько лет было упущено – и это в условиях острого дефицита времени, о котором так любят писать апологеты Столыпина. Чем объяснить это промедление – вопрос, возможно, выходящий за рамки исследования Панасюка, однако очень важный для изучения столыпинской реформы.

Важное достоинство данной главы заключается в том, что автору удалось создать сложную и неоднозначную картину реформы, далекую как от хрестоматийных представлений о поголовном крестьянском сопротивлении ей, так и от разделяемого ныне некоторыми историками мифа о триумфальном и беспроблемном создании частной собственности в деревне волею мудрого правительства. Крестьяне не выступали единым фронтом ни за, ни против реформы. Возможно, они воспринимали ее как серию дискретных мер, своеобразных «барских причуд», мало связанных с их собственными заботами, с их «повесткой дня». Ключевыми моментами в этой крестьянской повестке, судя по приводимому автором материалу, было, во-первых, сохранение социального мира внутри сельского общества, компромисс с односельчанами, и во-вторых, резервирование на будущее возможности для дополнительного наделения. И то, и другое скорее противоречило правительственному курсу на создание в деревне нового социального слоя.

Решающим вопросом в этих условиях можно считать вопрос о мотивации тех крестьян, которые все же шли на выдел хотя бы и ценой конфликтов с общиной. Чего хотели выделявшиеся крестьяне, в чем заключались их приоритеты? И, исходя из этого, насколько велик был «запас прочности» у реформы в крестьянской среде? Автор диссертации не ставит перед собой таких вопросов. Характер источников, которые были в его распоряжении, вероятно, и не позволил бы дать на них определенный ответ.

Тем не менее, важной заслугой работы можно считать уже тот факт, что она прямо подводит читателя к постановке этих вопросов и тем самым открывает важную перспективу для продолжения исследовательской работы над темой.

Наконец, третья глава диссертации посвящена агрономической помощи крестьянам со стороны правительственных и земских инстанций. Панасюк детально раскрывает, во-первых, перемещение центра тяжести в организации этого дела в сторону земств, а во-вторых, неоднозначное отношение земцев к основополагающим целям реформы. Правительство стремилось освободиться от организации крестьянской агрономии как от обузы, в отличие от землеустройства, которое было признано делом государственной важности. Возможно, такой подход не был со стороны бюрократии совсем беспочвенным. Земства находились в более близких и менее формальных отношениях к крестьянам, а значит, обладали большим ресурсом влияния на них. Однако земцам нельзя было приказывать, и автор сумел показать, что поскольку в их среде преобладало по меньшей мере сдержанное отношение к антиобщинным целям правительства, никаких особых приоритетов «единоличники» от земств не получали. Тем самым правительство и общественная среда явно не одинаково смотрели на будущее деревни. В этой связи возникает другой важный вопрос, выходящий за рамки работы: насколько серьезной и массовой была поддержка столыпинской реформы умеренной, центристской частью общества (понятно, что правые и левые реформу полностью отвергали)? Не строилось ли монументальное здание аграрной реформы на песке, не имея массовой поддержки ни в среде крестьян, ни в образованном обществе?

В целом, диссертационное исследование В.В. Панасюка, безусловно, можно считать исследовательской удачей. Вместе с тем, хотелось бы высказать и некоторые пожелания к работе.

1. Автору следовало бы уделить больше внимания идеологическим и политическим аспектам борьбы вокруг реформы. Хотя предысторию реформы и можно возводить к Сперанскому, в прямом и непосредственном

смысле реформа рождалась в условиях революционного взрыва и острейшего противостояния различных политических и социальных сил. Между тем, этот контекст в работе в общем отсутствует. Достаточно сказать, что упоминаемый на с. 292 в связи с полемикой в калужском земстве К.Н. Пасхалов был не просто «почетным членом Союза русского народа», а одним из самых известных правых публицистов, ярким противником Столыпина и фигурой отнюдь не губернского масштаба. Отказ земства солидаризироваться с правительственным курсом трудно понять, не принимая во внимание партийной принадлежности гласных. Точно так же динамика реформы зависела не только от внутренних закономерностей ее развития, но и от политической обстановки в стране.

2. Голоса крестьян звучат в диссертации, однако чаще всего, говоря о позиции крестьян, автор опирается на источники, происходившие отнюдь не из крестьянской среды. Самооправдательные рапорты земских начальников и губернаторов, спекулятивные рассуждения правых и левых интеллигентов-земцев о настроениях крестьян вряд ли можно считать адекватными источниками сведений о настроениях низов. В связи с этим, возможно, следовало бы по крайней мере поставить вопрос о возможности «пробиться» через многочисленные фильтры и увидеть реформу «снизу». Сама постановка этого вопроса позволила бы вывести на новый уровень и итоговые выводы работы.

Высказанные замечания не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования В.В. Панасюка, которое отличается высоким научным уровнем, безусловной самостоятельностью и оригинальностью. Публикации диссертанта отражают основное содержание диссертации. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

В целом диссертация «Столыпинская аграрная реформа и российская провинция: по материалам Калужской губернии (1906-1917 гг.)» представляет собой выполненное на достаточно высоком научном уровне, завершённое и оригинальное научное исследование, которое полностью соответствует

требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Панасюк Виктор Вячеславович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Доктор исторических наук
(специальность 07.00.02 – Отечественная история),
ведущий научный сотрудник
Центра источниковедения
Школы исторических наук
Факультета гуманитарных наук Национального
исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

07.09.2016

И.А. Христофоров

(127572, Москва, Абрамцевская ул., д. 11, кор. 3, кв. 168, +7 905 7918483,
ikhrist@yandex.ru)

Подпись заверяю

специальность
живува 10

115